

**ПИСЬМО
КО ВСЕМ ДЕТЯМ ПО ОДНОМУ
ОЧЕНЬ ВАЖНОМУ ДЕЛУ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» · 1979

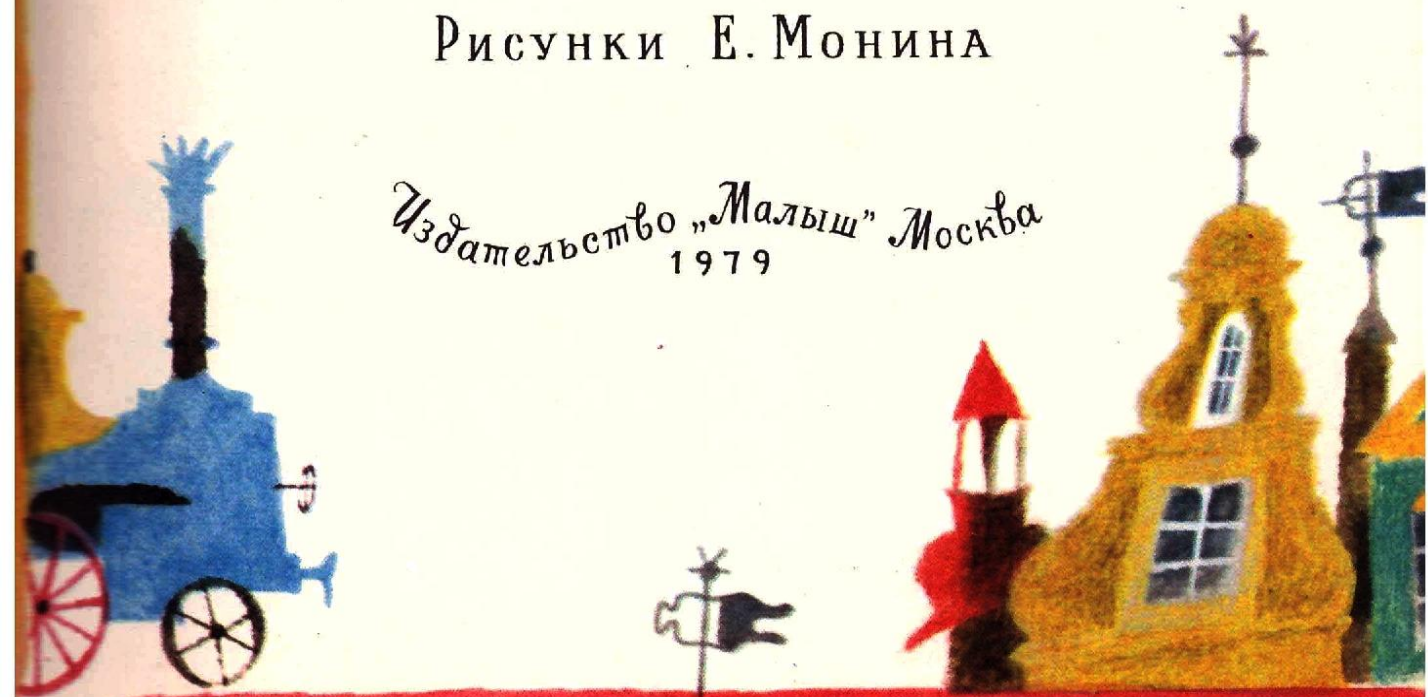
Юлиан Тувим

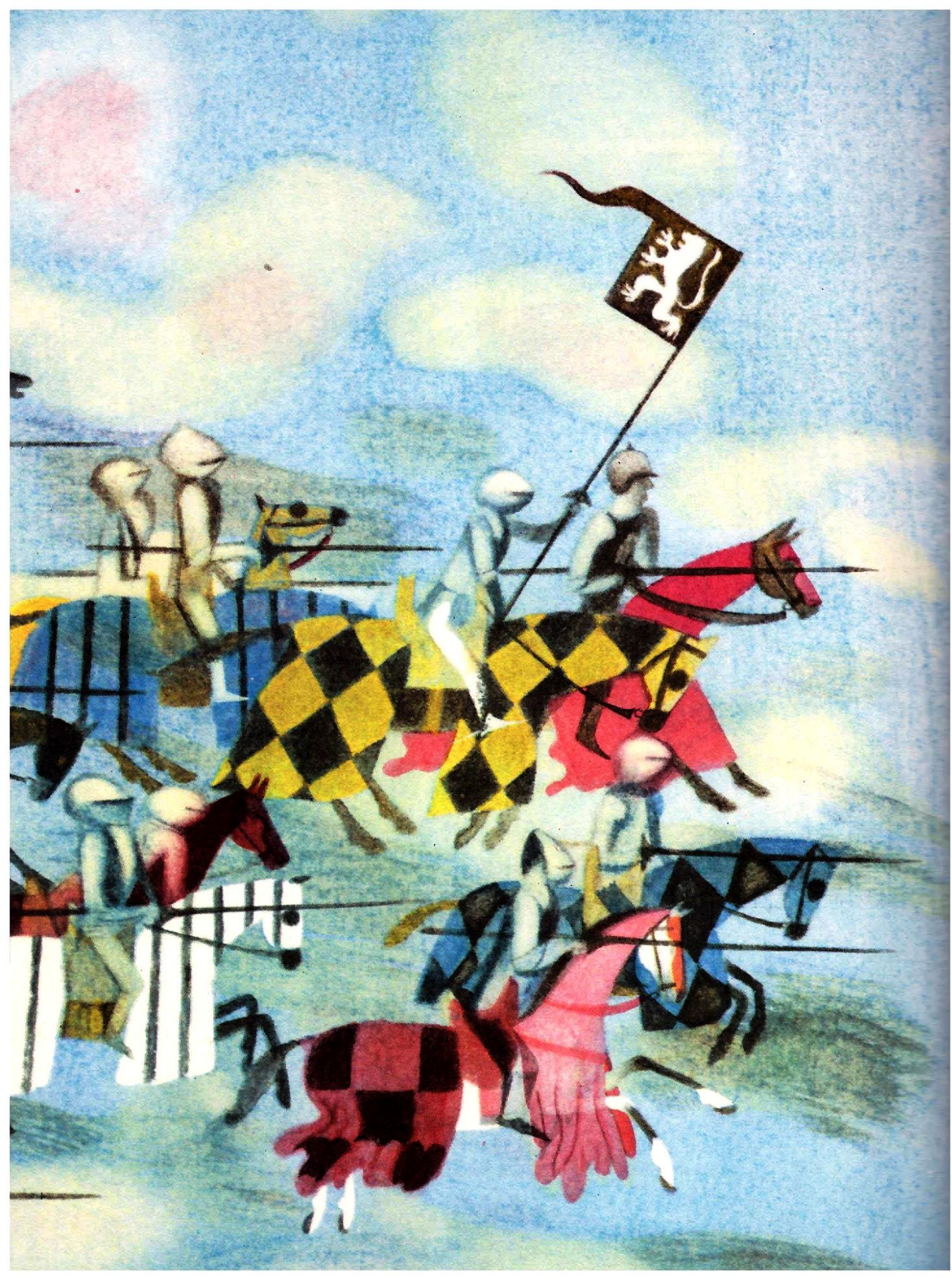
Письмо ко всем
детям
по одному очень
важному делу

♦ стихи ♦

Рисунки Е. Монины

Издательство «Малыш» Москва
1979

РЫЦАРЬ

Вот он рыцарь Бахвальский—
Нет бойчей паладина;
Довелось ему как-то
Изловить сарацина.
Он кричит: «Враг попался!
Я сражался геройски!
Нет мне равного силой
В неприятельском войске!

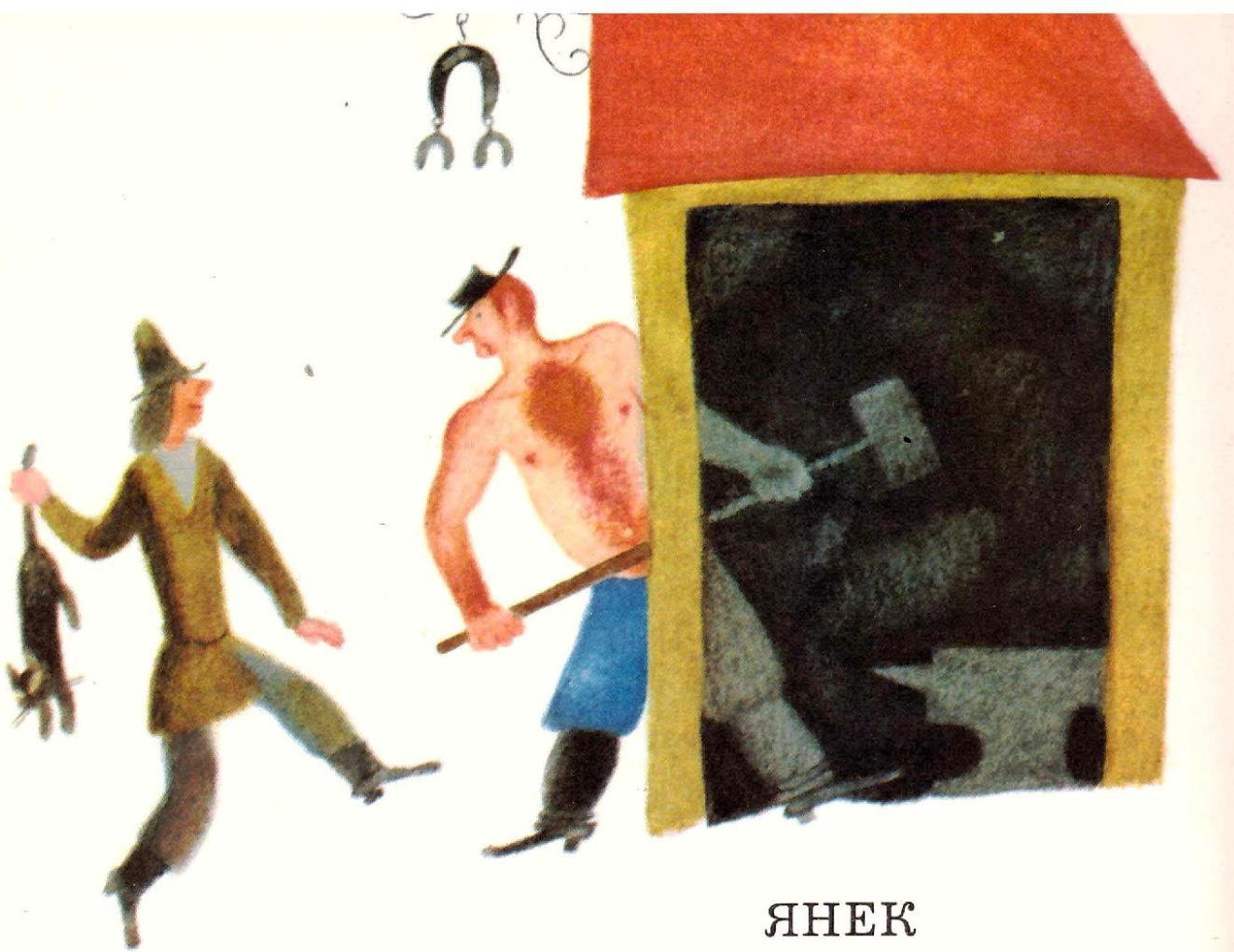

Штурмовать я приучен,
Ненавижу осаду!
Государь самолично
Даст мне орден в награду!
Повелит он, чтоб трубы
Славу мне возвещали:
Я добыл сарацина
Плюс четыре пищали!
Слава мне! Я бесстрашен!
На меня подивитесь!
Разве сыщется в мире
Столь же доблестный витязь?
Где мой клич раздаётся,
Там врагу не до смеха,
Нету рога звончее
И богаче доспеха!» —

«Отчего ж сарацина
Не ведёшь ты, однако?» —
«Он меня не пускает!» —
Отвечает вояка.

ЯНЕК

Жил на свете Янек,
Был он неумён.
Если знать хотите —
Вот что делал он:

Ситом черпал воду,
Птиц учил летать,
Кузнеца просил он
Кошку подковать.

Комара увидев,
Брался за топор,
В лес дрова носил он,
А в квартиру — сор.

Он зимою строил
Домик ледяной:
— То-то будет дача
У меня весной!

В летний, знойный полдень
Он на солнце дул.
Лошади уставшей
Выносил он стул.

Как-то он целковый
Продал за пятак.
Проще объяснить вам:
Янек был чудак!

ФИГЛИ-МИГЛИ

Рачительный рак на безрыбье говаривал:
Мол, знал бы комар, как омар выкомаривал!
Судачил судак: «Небывалое дело!
Лещ дал бы леща, а сова б осовела!»
Тут селезень в гости позвал селезёнку,
А чайка чайку предложила грачонку.
Ворона обед проворонила было,
Сорока рупь сорок в сорочке забыла,
А перепел взял и дрозда перепёл,
А дрозд дал дрозда — он не пил и не ел!
И рыба-пила ничего не пила,
Но, мухи не тронув, под мухой была.
Набычился бык и к бычку в ил зарылся,
Слонялся петух, то есть... слон петушился.

~~а~~пельсин ~~и~~

~~о~~сина

~~о~~калочка ~~о~~

СЛОВЕЧКИ-КАЛЕЧКИ

Грустный, сонный, невесёлый
Ежи наш пришёл из школы,
Сел к столу, разох зевнул
И над книжками заснул.

Тут явились три словечка:
«Апельсин», «Сосна», «Колечко».
Подошли они все трое
И сказали: «Что такое?
Что ты, Ежи, сделал с нами?
Мы пожалуемся маме!»

«Я, — воскликнул «Апельсин», —
Никакой не «Опельсын»!» —
«Я, — расплакалось «Колечко», —
Никакая не «Калечка»!»

«Я, — разгневалась «Сосна», —
Я до слёз возмущена!
Можно только лишь со сна
Написать, что я «Сасна»!»

«Мы, слова, оскорблены
Тем, что так искажены!
Ежи, Ежи! Брось лениться!
Так учиться не годится!

Невозможно без внимания
Получить образование!
Будет поздно! Так и знай!
Станет неучем лентяй!

Если ты ещё хоть раз
Искалечишь, мальчик, нас —
Мы с тобой поступим круто.
Нашей честью дорожа,
Имя «Ежи» в полминуты
Переделаем в «Ежа»!
Будешь ты ежом колючим!
Вот как мы тебя проучим!».

Ежи вздрогнул, ужаснулся,
Потянулся и проснулся.
Подавил зевоту,
Взялся за работу!

СТАСЬ-МЕЧТАТЕЛЬ

Улёгся Стась
Средь лужка,
Глядит в небеса
И думает:

«Кабы
Были бы те облака
Ромовые бабы!
А те розоватые тучки—
Сливочные тянучки!
А те, золотые в лазури, —
Пончики в сладкой глазури...
А весь бы небесный купол
Из сахарного песку был,
А дождик бы шёл — из конфет...
Вот был бы чудесный свет!
Лежал бы я на траве,
На шёлковой мураве,
В сладкое небо глядел
И ел бы себе... и ел...»

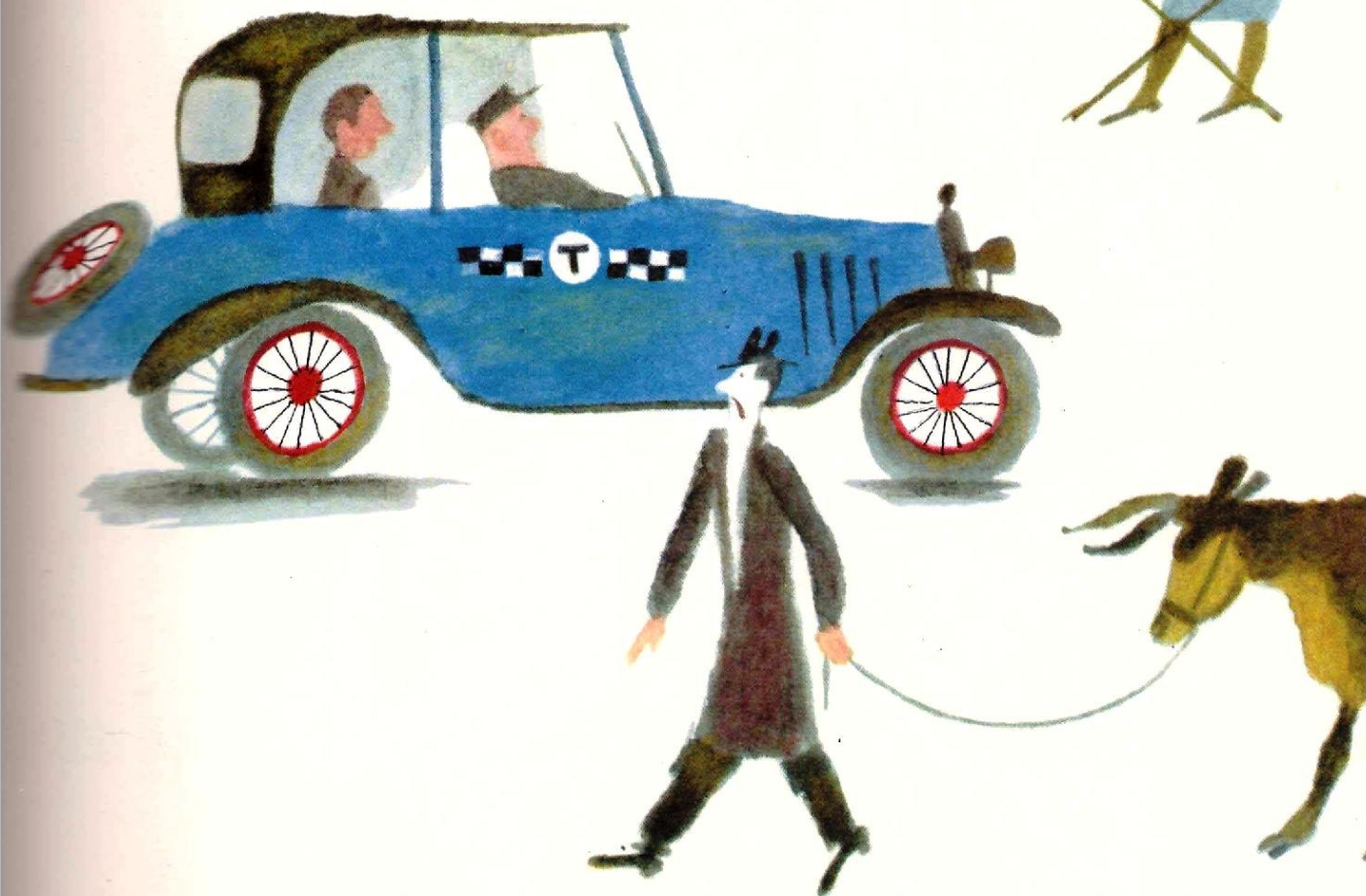

А подошёл военный,
И даже чуточку присел,
Такой был здоровенный!

Потом две девочки прошли...
Такси промчалось вроде...
Корову мимо провели,
Клянусь здоровьем тёти!

Потом
 купил я эскимо
У дома...
 Вот как было!

— Всё было, ослик, лишь письмо
Я дать тебе забыла!

ГЛУПЫЙ САШОК

Шёл Сашок,
Нёс мешок.
Был тяжёл мешочек.
У Сашка
Из мешка
Сыпался песочек.

Легче груз —
Меньше грусть! —
Каждый знает это!
Дома глядь —
Где же кладь?
Нет песку в мешке-то!

Тут Сашок
Стал в мешок
Собирать песчинки.
Шесть пылинок,
Семь соринок
Подобрал с тропинки.

Шёл Сашок,
Нёс мешок.
Был тяжёл мешочек.
У Сашка
Из мешка
Сыпался песочек.

АПРЕЛЬСКАЯ БЕРЕЗКА

Это не листья
И не листки,
Даже не листочки молодые,
А зеленовато-золотые
Облачка прозрачного клочки.

Если есть лесные небеса,
С них, наверно,
Облачко спустилось
И у нас в саду остановилось...
Посмотри, какие чудеса!

Но что может возмужать оно
И берёзой станет настоящей,
Тень даящей,
На ветру шумящей...
Не поверю в это
Всё равно!

СКОЛЬКО ЗАБОТ

Сколько забот на свете?
Одна забота — весна,
Но солнышко ярче светит
И почка листку тесна.

Вторая забота — лето,
Работы невпроворот,
Но ягодок нам из леса
Всё кто-нибудь принесёт.

Осень — забота третья.
Тепла уже больше нет,
Но падают в руки детям
Антоновка и ранет.

А там — открывай ворота! —
Приходит зима-забота.
Морозы... Поёт метель...
Но близок уже апрель!

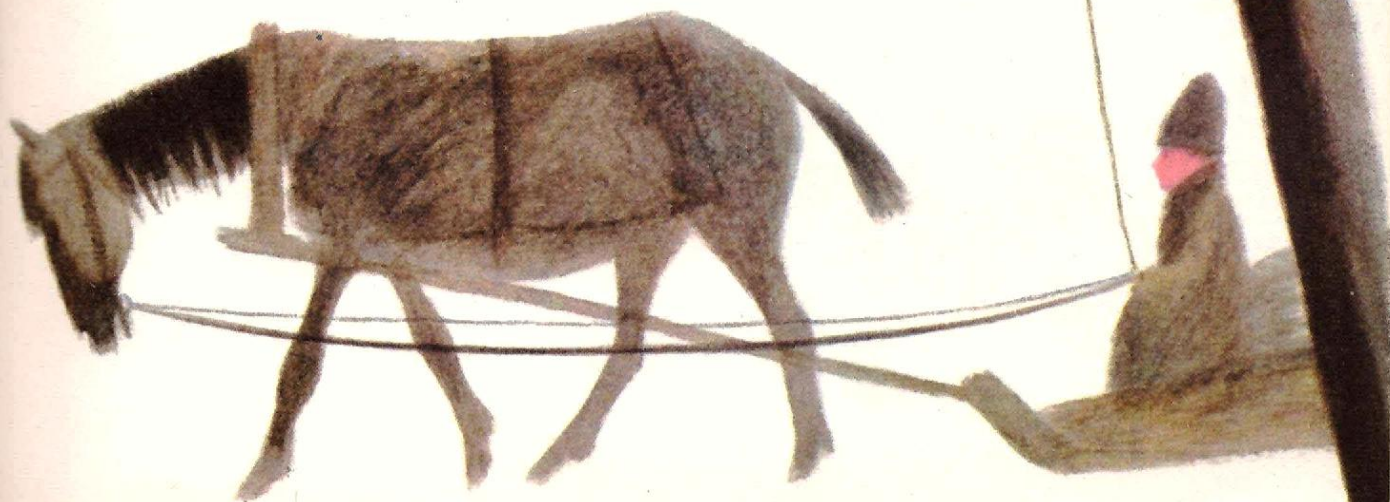
МОРОЗ

Как в мороз хвост вёз
Из лесу мальчонка.
Под санями мороз
Пел свежо и звонко.

Ветер злился, он рос,
Он свистит и скачет.
Всё трещит — воз, мороз...
Мальчик чуть не плачет.

Кляча — фр-р, мальчик — бр-р-р,
Воз скрипит сердито,
Снег блестит, кнут свистит,
И звенят копыта.

Вот уклон — хруст и звон...
Но прошла тревога.
Сдал мороз — легче воз
И легка дорога.

ПЛЯСКА

К табуретке скок ведёрко:
— Спляшем, юная танцорка!
А кофейник с полки прыг:
— Я, брат, тоже не старик!

И тарелка —
Знай подругу! —
За кофейником по кругу.
Печь-толстуха топ ногой —
Заплясала с кочергой!

Лишь метла плясать не смеет,
Хоть и любит и умеет:
Разойдутся прут с прутом —
Собери-ка их потом!..

Сундучок и столик скачут,
А она едва не плачет.
Вот решила и метла.
Сколько пыли подняла!

ДВА ВЕТРА

Один ветер в поле дул,
Другой ветер к саду льнул:
Песню ладил, травы гладил,
Шебуршил, ворошил,
Уснул.

Один ветер — ветрогон!
Как взлетел да взял разгон,
Прыгнул, свистнул с поворотом,
Засверлил коловоротом
И упал прямо в сад,
Где сквозь сон, наугад,
Песню ладил,
Травы гладил,
Шебуршил, ворошил
Другой ветер...

Брызнул снегом с вишни цвет,
Прыснул смехом сад в ответ,
Берёт ветер брата в долю,
И вдвоём летят по полю,
Гонят тучи от реки,
Задевают ветряки,
Крылья лёгкие дурачат,
Вправо-влево свищут, скачут,
Дуют, дуют что есть сил,
Озоруют — то-то лихо!..

А в саду — тихо-тихо...

ОПОЗДАВШИЙ СОЛОВЕЙ

Плачет, плачет соловьяха,
Слёзы льёт и тужит.
Соловей пропал — ведь знает:
Ровно в девять ужин.

Он всегда домой приходит
Очень аккуратно,
А теперь двенадцать скоро...
Просто непонятно!

Всё остыло: суп мушиный,
На росе настоен,
Соус из мозгов шмелиных
С кашкою густою,

И шашлык — комарик юный
С почкой и салатом,
Да на третье — пудинг лунный
С звездочкой-цукатом.

Может, с ним что приключилось?
На него напали?
Общипали ему перья?
Голосок украли?

Может, жаворонок с бандой?
Он завистлив, глупый...
Перья— что в них? Отрастают.
Голос вот — не купишь!

Вдруг соловушка явился—
Глянь, свистит и скачет...
— Где летал ты? Где порхал ты?
Я волнуюсь, плачу...

— Ты прости, — он отвечает
Сладким тенорочком. —
Чудный вечер! Захотелось
Погулять пешочком...

ТРУДНЫЙ СЧЁТ

По дороге три утёнка
Босиком идут чуть свет:
Первый — толстый,
Третий — тонкий,
А второго просто нет.

А навстречу трём утятам
Два других спешат гурьбой:
Серый — первый,
Жёлтый — пятый,
А двенадцатый — рябой.

Вдруг девятый с первым стали
Громко плакать и рыдать:
— Мы сперва
Втроём бежали,
А теперь нас только пять.

И тогда захныкал пятый:
— Сам не знаю, что со мной!
Вышел третьим,
Шёл тридцатым,
А сейчас опять седьмой.

— Как же, братцы,
сосчитаться,
Чтоб себя пересчитать?
— Так нетрудно
Потеряться,
А найдёшься ли опять?

Побрели утята к маме
Через рощу, напрямиком.
И хоть не были
Гусями,
Друг за другом шли
Гуськом.

В САМОЛЁТЕ

Была у бабки хатка,
Возле хатки —
Грядка,
На грядке
Рылась квочка —
Курица-хохлатка.

Как-то раз на улицу
Улизнула курица.
Бабка хватъ шубёнку —
И за ней вдогонку.

А за бабкиным двором
Был большой аэродром.

Квочка с ходу,
Квочка с лёта
Прыг в кабину самолёта!

Бабка тоже
Прыг туда же,
Не раздумывая даже!

Квочка бабке не даётся,
Квохчет,
Прыгает,
Клюётся —
Пух взвивается куриный.
Как из вспоротой перины!
А в кабине духота,
Темнота
И теснота.
Бабка поскользнулась,
Чуть не растянулась!

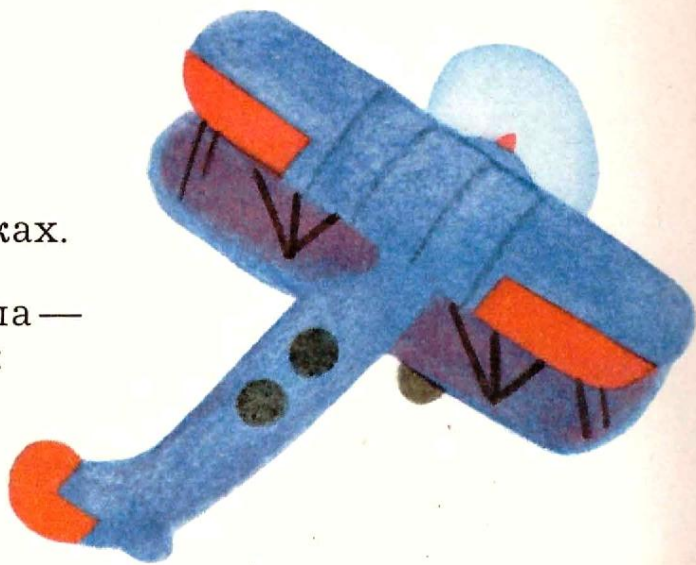
И нечаянно
Задела
За неведомый рычаг,
И отчаянно
Пропеллер
Загудел
И зарычал!!!

Квочка в крик!
Бабка в плач!
Самолёт помчался вскачь.

Квочка квохчет!
Бабка стонет!
Самолёт несётся, гонит!

Квочка:
— Ох!..
Бабка:
— Ах!..
И очнулись в облаках.

Вниз бабуся глянула —
От окна отпрянула:
Слева,
Справа —
Небеса,
Снизу —
Чудо-чудеса:

Горы — словно кочки,
Долы — как платочки,
Реки змейкой вьются,
Озёра — меньше блюда,
Деревья — былинки,
Люди — пылинки,
Коровы — божьи коровки,
Избы — спичечные коробки,
А кур и не заметишь!

Бабка кверху поглядела:
— Удивительное дело!
Вот так штука!
Где же тучи?
Необыкновенный случай!!!

Тучи понизу ходили,
Тучи землю заслонили.

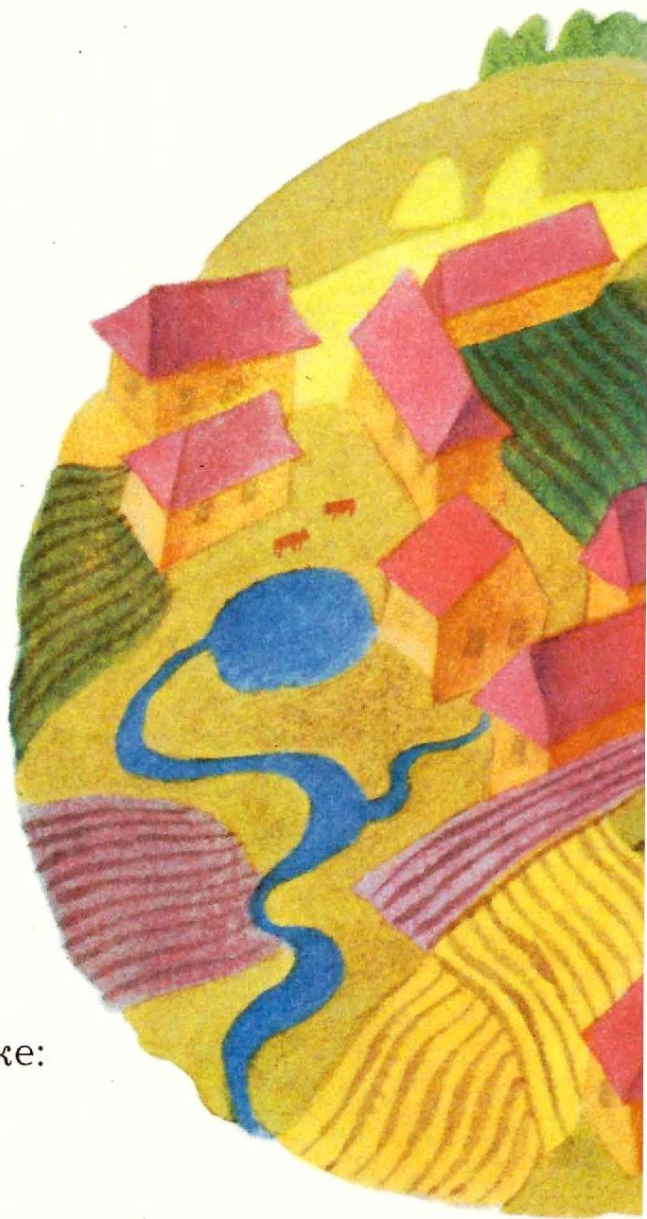
Квочка квохчет:
— Ой, бедняжки мы!
Небеса-то вверх тормашками!

А навстречу им — луна,
Словно медная стена —
В сто раз
Ярче,
В сто раз
Жарче
Рядом выглядит она!

Щурит левый глаз
И разом,
Грозно глядя
Правым глазом,
Разевает жадно рот,
Карауля самолёт...

Тут
 бабуся
 сверху —
 прыг!!!
И проснулась в тот же миг...

Смотрит — всё вокруг в порядке:
Печь гудит,
Сверчок стрекочет,
Квочка роется на грядке
И над бабкою хохочет.

ПАН МАЛЮТКИН И КАШАЛОТ

Малюткин объездил
Полсвета;
Объездить полсвета —
Не просто!
А был
Малюткин
При этом
С кофейное зёрнышко
Ростом.

Зато кашалот,
По рассказам,
Всех больше и толще
На свете.
Однако Малюткин
Ни разу
Кита-кашалота
Не встретил.

Поэтому пан Малюткин
Решил океаны объехать.
Он смастерил себе
Шлюпку
Из скорлупки ореха.

Днище выстелил ватой,
Чтоб не простыть
С непривычки,

— Цып-цып-цып, кашалотик!
Где ты плаваешь, рыбка?!

Месяц прошёл,
А на море
Ни одного кашалота!

Пана Малюткина
Вскоре
Чуть не свалила дремота.

Спал бы все дни и спал бы —
Веки слипаются просто!
Вдруг
Он увидел с палубы
Необитаемый остров!!!

Взяв скорлупку под мышку,
Вышел на сушу Малюткин:
— Надо, — сказал, — передышку
Сделать на четверть минутки.

Он прошёлся немножко,
Съел краюшку ватрушки,
Из пушки выстрелил в мошку
И начал взбивать подушки.

Выбрав местечко посуше,
Кол для палатки приладил...
Вдруг заворочалась суша
Среди всколыхнувшейся глади!!!

Трижды вздохнула сначала,
Качнулась
И прорычала:

— Неужто осмелился кто-то
Кол вколотить в кашалота?

— Где кашалот? —
От страха
Напала на пана икота.

— Как это где?
Под водою!
Снаружи —
Лишь нос кашалота!

Я никакая не суша!
Я — кашалотова туша!
— А остров?
— Какой ещё остров?
Это ноздря, дорогуша!

Мне,
Чужеземец,
Неясно,
Зачем ты пожаловал в гости;
Поэтому правь восвояси,
Не то как чихну от злости!!!

Сел Малюткин в скорлупку,
Вёсла в воду
И — ходу!..
Не было
В резвости
Равных
Храброму мореходу...

...А дома
За кружечкой рома
Малюткин похвастал соседу:
— Мы с кашалотом знакомы
И даже
Имели беседу!!!

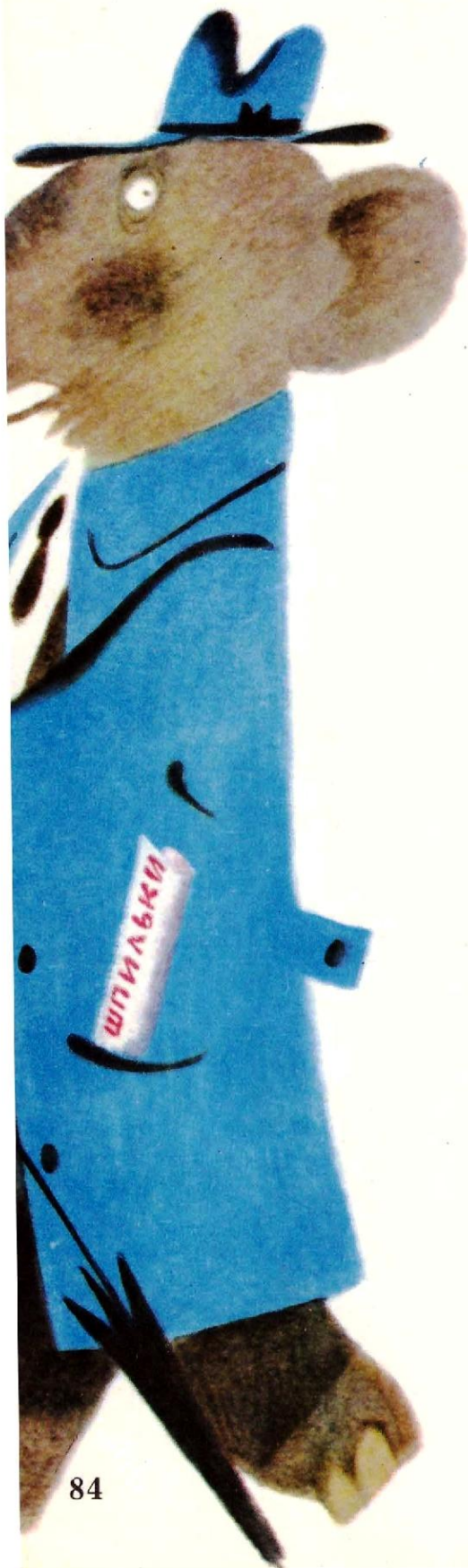
СЛОН ХОБOTOVСКИЙ

Жил некий слон,
Весил семь тонн,
Звали
Потап Хоботовский его.
Был этот слон
Сильный, как слон!
Не было в мире сильнее никого!

Всё у Потапа было слоновье:
Туша — слоновья,
Уши — слоновьи,
Здоровье —
Слоновье,
И хобот — труба.
Всё ничего бы,
Да память слаба!

Друзей пригласил он
Сыграть в домино,
А сам позабыл
И потопал в кино.
Гости примчались:
— Хозяин, где ты?
Стучались, стучались —
Потапа нету;
Был, да ушёл!

Ждали его Крокодилы
На чашечку ила из Нила —
Забыл!
Не пришёл!!!

Есть у слона-чудака
Ребятишки:
Дочь и сынишка —
Смешные слонишки.
Любит детишек без памяти папа,
И память за это подводит Потапа.
Хочет позвать он:
— Дочка и сын!
Забудет
И крикнет:
— Бочка и сыр!
Хочет сказать он:
— Слушайте папу!
Забудет
И скажет:
— Скушайте лапу!

Так вот и жил
Незадачливый слон —
Фамилий не помнил,
Не помнил имён.
Даже, знакомясь,
Потап Хоботовский
Всех уверял:
— Я —
Потоп
Хохотовский!
И, верьте не верьте,
Семнадцать минут
Потап вспоминал,
Как слоницу зовут!

В сердцах отчитала
слониха Потапа:

— Сходи-ка ты к доктору, тяпа-растяпа!
Лечись, если память твоя слабовата!
Потопал Потап...

И пришёл к адвокату.

Потом у ткача побывал и учёного
И всюду качал головой огорчённо:

— Помню — что помнил. А что?

Не припомнить!

Может, поможет мне кто-нибудь вспомнить?

Так и слонялся бы слон без конца,
Да повстречал по пути кузнеца.

Был бы в минуту подкован Потап,
Если б не вспомнил, что памятью слаб.

Кузнец его выслушал,

В ухо подул,

Язык посмотрел, взгромоздившись на стул.

По лбу Потапа кувалдой постукал

И говорит: — Пустяковая штука!

Завяжем на хоботе вам узелок,

Чтоб всё позабытое вспомнить помог!

Ещё вас окатим

С макушки до пят...

И — раз! — на слона трёхведёрный ушат!

Довольный

Помчал

Хоботовский

К супруге.

Ушами всплеснула супруга в испуге:

— Что приключилось?

У доктора был?!

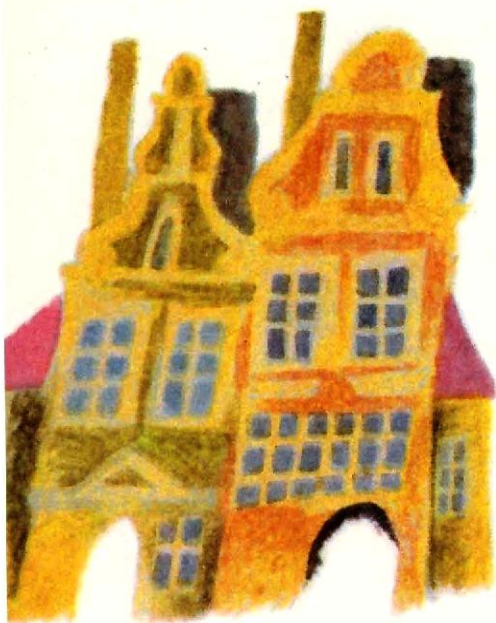
— Был!

— Ну и что же?

— Не помню! Забыл!!!

Из рассказов о Юлиане Тувиме

Необычное письмо

Каждому приятно получать письма. Особенно ласковые, хорошие. Если мы получаем такие письма, значит, нас любят, помнят. Но немножко грустным бывает то обстоятельство, что один получил письмо, а другому почтальон ничего не принёс.

И вот один человек решил написать письмо ко всем детям на свете. Чтобы никому не было обидно. К тому же, у этого человека было ко всем детям очень важное дело.

Он написал это письмо в стихах, ведь известно, что дети любят стихи.

Письмо начиналось так:

Дорогие мои дети!
Я пишу вам письмецо:
Я прошу вас мыть почаще
Ваши руки и лицо.

А кончалось так:

Сам я моюсь очень часто.
До свиданья!

Ваш Тувим.

Кто же был этот добрый человек по фамилии Тувим?

Увлечения Юлека

Более восьмидесяти лет назад, 13 сентября 1894 года, в польском городе Лодзи, у скромного служащего банка родился сын. Назвали его Юлеком.

Юлек был живой, весёлый мальчик. Играл с приятелями в пожарных. Подражал птичьему теньканью и чириканью. А собирал

чуть ли не всё на свете! Цветные картинки, перья, ракушки, бабочек, лекарственные травы, марки и открытки, ободки от сигар.

Увлечения сменяли друг друга. Не успевала иссякнуть одна страсть, как начиналась другая. То Юлеку необходимы были газеты — по одному номеру каждого издания. То какие-то колёсики и винтики. То живые ужи и тритоны. То химикалии для важных опытов.

Один из опытов чуть не закончился трагически. Металлическая трубка, наполненная смесью серы, селитры, хлористого кальция и ещё чего-то, взорвалась: Юлек нагрел её над лампой!

С некой таинственной целью мальчик собирал капельки ртути. Домашние термометры разбивались один за другим. Почему — это знал только Юлек. В глубине души он верил, что вдруг, случайно, чудом, неизвестно почему и как, совершит великое открытие.

Он был не только изобретателем, исследователем и коллекционером. Он был пылким читателем. Вместе с Фенимором Купером и Жюлем Верном бродил по лесам и пустыням дальних стран, охотился на тигров и ягуаров. Паганель и Зверобой стали его близкими друзьями.

Из книг про путешествия Юлек выписывал слова на экзотических языках. Это была тоже настоящая коллекция. Он знал, что смола по-малайски — «дамар», голова по-дагомейски — «афо», рыба по-якутски — «балыксыт», цветок по древнемексикански — «шочитл», а свинью на Майорке называют «пуака».

А вот кем он станет, он ещё не знал.

Первая двойка

Поглощённый множеством разнообразных занятий, Юлек учился, прямо скажем, неважно. По-настоящему он интересовался только латынью, да и она сперва давалась ему нелегко.

Особенно не ладилось с арифметикой.

В гимназии, куда поступил Юлек, арифметику называли «арфма». Уже в первые дни занятий учитель Иван Александрович Остроумов, по прозвищу Провод, вызвал Юлека к доске, монотонно продиктовал условия задачи.

Впоследствии Юлек вспоминал про это с неподражаемым юмором:

«Я стоял у доски, решая чудовищную-задачу: путешественник А вышел из города Б в семь часов утра, делая столько же километров в час, сколько стоит фунт чая, смешанного из трёх сортов; причём первого сорта взяли столько, сколько часов надо, чтобы опорожнить бассейн, содержащий столько ведер воды, сколько составляет остаток от деления числа 879641312 на число 37643, и т. д.

Размышляя над всем этим, я пришёл к довольно неожиданно-

му выводу. Ответ звучал так: второй путешественник, некий Б, делает в час 3 фунта чая.

Провод не пожелал согласиться с таким ответом и заявил:

— Тебе бы на фабрике шпули мотать, а не в гимназию ходить.

И вот графа «арифметика» в моём дневнике украсилась каллиграфически выведенной двойкой.

Дома, естественно, отчаяние. Моё будущее затянули чёрные тучи. Я стоял над пропастью: «быть или не быть?» Назавтра, уже в семь часов утра, переулками я поплёлся в школу. В восемь появился Провод. Я поднял два пальца вверх и, давась от слёз, прошептал:

— Иван Александрович, я уже больше не буду.

Провод посмотрел на меня и спросил:

— Чего ты больше не будешь?

Я не знал, что ему ответить, и прошептал только одно:

— Зачеркните эту двойку.

— Хорошо, — ответил он. — Я тебя ещё спрошу. Не плачь, иди и попей водички.

О многих вещах, людях и событиях я позабыл... Но свою первую двойку в дневнике вижу как на ладони и помню эти слёзы и водичку».

Лёд был сломан: двойки и колы посыпались, как из рога изобилия.

Побег

Однажды — в первом или втором классе гимназии — Юлек получил двойку за полугодие. Сказать об этом родителям он побоялся, а в дневнике требовалась их подпись.

Наутро, вместо того, чтобы отправиться в школу, Юлек зашагал на вокзал. Он решил уйти из дому на поиски приключений!

В его воображении возникали пейзажи джунглей, саванны. Путешествие должно было завершиться в Америке — не то в Северной, не то в Южной. Но восьми копеек, которые отыскивались в кармане, не хватило даже на билет до Серадза, где жила сестра отца, тётушка Розалия. Гимназист отдал свой завтрак носильщику, и тот, добавив к восьми копейкам Юлека свои три, купил мальчику детский билет в вагоне третьего класса.

Увидев племянника, тётушка всплеснула руками. Она с недоверием отнеслась к сообщению, что каникулы в этом году начались гораздо раньше, чем обычно.

После обеда всё выяснилось: у гимназиста был ранец, в ранце — дневник, а в дневнике — двойка.

В это время дома, в Лодзи, недоброе предчувствие охватило мать и отца: Юлек не вернулся из гимназии. Мать побежала в школу. Отец нашёл записку, оставленную на комод: «Я не достоин быть вашим сыном, я ухожу и прошу меня не искать».

В отчаянии мать помчалась на вокзал.

— Не видел ли кто мальчика с чёрной родинкой на щеке? — спрашивала она дежурного, киоскёров, кассиров.

Случайно наткнулась на носильщика, съевшего завтрак Юлека. Носильщик сказал:

— Не тревожьтесь, сударыня. Ваш сын благополучно уехал в Серадз. Я сам покупал ему билет.

Наутро беглеца возвратили домой. Он был заплакан, смущён и испуган. Но дома его встретили исключительно тепло. Отец тут же простил его и пообещал, что никогда в жизни не упрекнёт за побег. Долго, ласково объяснял он мальчику, что надо учиться, чтобы выйти в люди.

Брат и сестра

Семья Тувимов принадлежала к так называемому среднему классу. Жили бедно. Возможности были ограничены. Денег хватало на то, чтобы прокормиться, а вот, например, на дачу выкраивали с трудом.

Дачу снимали недалеко от города, в Иновлодзи. Здесь Юлек впервые увидел лепестки облаков, упавшие в пруд, понял, как прекрасна природа родного края.

Здесь, в Иновлодзи, Юлек и его сестра Ирена подружились с крестьянскими детьми, собственными глазами увидели ужасающую нужду польской деревни.

Когда прогремели первые залпы революции 1905 года, Юлеку было одиннадцать лет. Симпатии его семьи были целиком на стороне восставшего пролетариата. Навсегда запомнил Юлек слова песни о красном знамени, которую пели под окнами. Не случайно в зрелые годы он записал в блокноте:

«Революционность может быть врождённой, как талант».

Юный Тувим остро реагировал на несправедливость, горе, нужду. Он с величайшей сердечностью относился к своим близким: к матери, отцу, сестре Ирине.

«В детстве, — вспоминала Ирена Тувим, — у нас никогда не было ёлки. И вдруг однажды... (а Юлек был тогда учеником седьмого или восьмого класса гимназии) нарядная красавица появилась и у нас. Ёлку купил и украсил для меня Юлек. Деньги он заработал в доме богатого фабриканта, куда нанялся репетитором».

К более позднему времени относится ещё одно воспоминание сестры Тувима. Юлеку исполнилось семнадцать. С завистью она смотрела на его письменный стол. Что там: какая новая коллекция?

Юлек часами ходил по комнате и бормотал что-то непонятное.

Вскоре тайна раскрылась. Юлек потерял ключ от стола. Вы-

звали слесаря, и он при всех открыл таинственный ящик. Там лежали толстые тетради в чёрных переплётах. И на каждом переплете было вытиснено золотое перо.

В тетради Юлек записывал свои первые стихи.

А через несколько лет в Варшаве, в кондитерской «Швейцарская» можно было увидеть за столиком высокого тёмноволосого юношу. Прихлёбывая кофе, он взволнованно вчитывался в корректуру первой книги стихотворений.

Это был Юлиан Тувим, поэт.

«...своих мы не трогаем!»

Где бы ни жил поэт, знакомые и соседи невольно становились свидетелями его дружбы с детьми.

Одно время, в Варшаве, на улице Черняховской, он жил в глубине двора, на низком первом этаже. Ежедневно у зарешеченного окна появлялись дети. Они задавали Тувиму десятки вопросов: как делается стол? откуда берётся свет? какая сила движет паровоз? о чём ворчит в речке вода?..

А если тебе задают вопросы, приходится отвечать.

Вскоре к окну стали прибегать и маленькие разносчики газет со свежими номерами. Они продавали газеты на копеечку дорожке.

Однажды, прощаясь с новыми друзьями, Тувим, знавший про их озорные привычки, шутливо спросил:

— Ну что, ребята, а через мою решётку, на мой письменный стол тоже запустите свои удочки?

— Нет, пане Юлиан, своих мы не трогаем!

И для этих детей варшавской улицы Тувим был своим.

Авторучка

Поэт был необыкновенно мягким, добрым отцом. Он выполнял любое желание своей маленькой дочки Эвы, уступал ей во всём. А когда его упрекнули, что так он вконец избалует ребёнка, Тувим засмеялся и сказал:

— Вот была бы лестница на небо, я бы по ней взобрался, достал звёздочку и подарил её Эвуне.

Однажды, в день рождения Эвы, — она в ту пору училась в третьем классе — её гости рассорились и всей компанией напали на одного из мальчиков.

Вошёл Тувим. Увидев, что происходит, он забрал мальчика в кабинет, стал беседовать с ним.

— Чего бы тебе хотелось больше всего? — спросил он обиженного.

Мальчик смутился и сказал, что хотел бы иметь... авторучку. Авторучки в то время были в новинку и стоили дорого.

Вскоре мальчик вышел из кабинета. В руках у него была авторучка Тувима.

Встреча с Маяковским

В 1927 году в Варшаве побывал Владимир Владимирович Маяковский. Польские писатели устроили приём в честь знаменитого советского гостя. Они угощали его и расспрашивали.

Маяковский охотно рассказывал про свою работу.

Незадолго до отъезда он написал стихи для детей — «Конь — огонь» и «Прочти и катай в Париж и Китай».

— А над чем вы сейчас работаете? — спросил Тувим.

Маяковский ответил:

— И сейчас я работаю над детскими книжками. Это так увлекательно! Моя цель — внушить детям самые простые общественные понятия. Разумеется, я делаю это очень осторожно. Скажем, рассказ о лошадке на колёсиках. Я пользуюсь случаем, чтобы объяснить ребёнку, сколько людей работало, чтобы такую лошадку сделать.

Тувим внимательно слушал, что говорил Маяковский. Может быть, он уже обдумывал в это время и свои стихи для детей?

В детском собрании Юлиана Тувима примерно пятьдесят стихотворений. Каждое из них — это новая весёлая игра или умная, дружеская беседа с ребятами.

Все детские стихи Тувима написаны в тридцатые годы. А подлинная популярность и любовь юных читателей пришли к поэту уже в Народной Польше.

Тувим гордился, что прочитан, понят и любим новыми поколениями малышей — детьми польских трудящихся. Он радовался и тому, что его полюбили советские дети.

В последние годы жизни Тувим шефствовал над школой в милой его сердцу Иновлодзи. Он переписывался и встречался с иновлодзинскими школьниками, внуками тех деревенских жителей, с которыми играл когда-то в детстве.

Стараниями поэта была создана школьная библиотека, кабинет физики и естествознания.

Юлиана Тувима избрали почётным председателем родительского комитета Иновлодзинской школы, и он написал в благодарственном письме, что для него это одна из самых высоких наград.

Таким был Тувим, поэт. Когда читаешь его стихи и сказки, он кажется весёлым дирижёром со своей неизменной «палочкой-трулялочкой», могучим повелителем дружных и добрых слов.

Владимир Приходько

Содержание

ВАРШАВА. Перевёл А. Эппель	5
ПИСЬМО КО ВСЕМ ДЕТЯМ ПО ОДНОМУ ОЧЕНЬ ВАЖНОМУ ДЕЛУ. Перевёл С. Михалков	6
ВСЁ ДЛЯ ВСЕХ. Перевела Е. Благинина	8
АЗБУКА. Перевёл С. Михалков	11
СТОЛ. Перевёл С. Маршак	12
ОВОЩИ. Перевёл С. Михалков	14
ПАРОВОЗ. Перевела Э. Мошковская	16
БАМБО. Перевёл В. Приходько	24
РЕЧКА. Перевёл С. Михалков	26
КИСКА. Перевёл В. Приходько	28
ПТИЦА. Перевёл Д. Самойлов	29
ПРО ПАНА ТРУЛЯЛИНСКОГО. Перевёл Б. Заходер	30
ПТИЧЬЕ РАДИО. Перевёл С. Михалков	35
ОЧКИ. Перевёл С. Михалков	38
ДЖЕК. Перевёл А. Эппель	40
СКАКАЛКА. Перевела Е. Благинина	43
ЧУДЕСА. Перевёл В. Приходько	44
РЫЦАРЬ. Перевёл А. Эппель	47
ЯНЕК. Перевёл С. Михалков	50
ФИГЛИ-МИГЛИ. Перевёл А. Эппель	53
СЛОВЕЧКИ-КАЛЕЧКИ. Перевёл С. Михалков	54
СТАСЬ-МЕЧТАТЕЛЬ. Перевёл А. Эппель	56
ТЁТЯ, ПЛЕМЯННИЧЕК И ПИСЬМО. Перевёл Л. Мезинов	58
ГЛУПЫЙ САШОК. Перевёл А. Эппель	60
АПРЕЛЬСКАЯ БЕРЁЗКА. Перевёл В. Приходько	63
СКОЛЬКО ЗАБОТ. Перевёл В. Приходько	64
МОРОЗ. Перевела Е. Благинина	65
ПЛЯСКА. Перевёл В. Приходько	67
ДВА ВЕТРА. Перевёл Д. Самойлов	69
ОПОЗДАВШИЙ СОЛОВЕЙ. Перевёл М. Живов	70
ТРУДНЫЙ СЧЁТ. Перевёл В. Левин	72
В САМОЛЁТЕ. Перевёл А. Эппель	74
ПАН МАЛЮТКИН И КАШАЛОТ. Перевёл А. Эппель	78
СЛОН ХОВОТОВСКИЙ. Перевёл А. Эппель	84
Из рассказов о Юлиане Тувиме. Послесловие В. Приходько	88

Для дошкольного возраста

ЮЛИАН ТУВИМ
ПИСЬМО КО ВСЕМ ДЕТЯМ
ПО ОДНОМУ ОЧЕНЬ ВАЖНОМУ ДЕЛУ
Стихи

Составитель и автор послесловия
Владимир Александрович Приходько

Художник Е. МОНИН

ИБ № 657

Редактор Э. Степченко.

Художественный редактор Д. Пчёлкина.

Технический редактор Е. Соколова.

Корректор Н. Пьянкова.

Сдано в набор 21.07.78. Подписано в печать 22.06.79.

Ил. № 16. Бум. офс. № 1. Гарн. журнальн. Печать офсетн.

Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 11,89. Тираж 150 000. Изд. № 5004.

Заказ № 597. Цена 1 руб. 50 коп. Издательство «Малыш».

Москва, К-55, Бутырский вал, 68.

Калужский ордена Трудового Красного Знамени полиграф-

комбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаво-

лиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект

50-летия Октября, 46.

© илл. составл. послесловие. Издательство «Малыш» 1979

Т 70801—058 58—79
М102(03—79)

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя